

МЭРИЛИН РОБИНСОН

ДЫХАНИЕ ОЗЕРА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
P58

Marilynne Robinson
HOUSEKEEPING
Copyright © Marilynne Robinson, 1980
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения
Trident Media Group, LLC и The Van Lear Agency

Перевод с английского Павла Смирнова
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Робинсон М.

P58 Дыхание озера : роман / Мэрилин Робинсон ; пер. с англ. П. Смирнова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 288 с. — (Гербарий).

ISBN 978-5-389-26473-1

Рут. Высокая и угловатая, она держится незаметно — в отличие от хорошенькой младшей сестренки Люсиль, хохотушки и модницы. Рано осиротев, девочки живут в провинциальном городишке горного штата, и за ними приглядывает целая череда престарелых родственников, пока в доме не появляется взбалмошная и эксцентричная Сильви, сестра их покойной матери. Две сестры по-разному оценивают странные тетины привычки: Люсиль с трудом их принимает, зато Рут обретает в Сильви родную душу.

Прозрачная, лирическая и медитативная проза Робинсон, удостоенная многих престижных литературных наград, погружает читателя в сон наяву, открывающий новые горизонты и степени свободы.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

- © П. А. Смирнов, перевод, 2024
- © Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26473-1

*Посвящается моему мужу,
а также четверым прекрасным мальчикам:
Джеймсу, Джозефу, Джоди и Джоэлу*

Глава 1

Меня зовут Рут. Вместе с младшей сестрой Люсиль я выросла на попечении бабушки, миссис Сильвии Фостер, а когда она умерла — ее золовок, мисс Лили и Ноны Фостер, а после их бегства — ее дочери, миссис Сильви Фишер. Со всеми этими поколениями старших мы жили в одном и том же доме, который построил для бабушки ее муж, Эдмунд Фостер, работник железной дороги, покинувший этот мир еще до моего появления. Именно благодаря ему мы осели в этом непримечательном месте. Дед вырос на Среднем Западе в полуподвале с окнами ровно на уровне земли и ровно на уровне глаз, поэтому при взгляде снаружи дом выглядел обычным холмиком, больше напоминая могилу, чем жилище человека, а при взгляде изнутри идеальная плоскость местности ограничивала вид настолько, что линия горизонта, казалось, окружала лишь этот убогий домишко и ничего больше. Поэтому мой дед начал читать любые книги о путешествиях, до которых только мог добраться, — дневники экспедиций

в горы Африки, в Альпы, Анды, Гималайи, Скалистые горы. Он купил коробку с красками и скопировал из журнала литографию с японского рисунка Фудзиямы. Он нарисовал еще множество гор, ни одну из которых было невозможно узнать, если они вообще существовали в реальности. Все они напоминали гладкие конусы или курганы, расположенные поодиночке, группами или целыми скоплениями, зеленого, бурого или белого цвета в зависимости от времени года, но неизменно со снежной шапкой, имеющей розовый, белый или золотистый оттенок в зависимости от времени суток. На одной большой картине дед поместил на передний план гору, очертаниями напоминающую колокол, и покрыл ее тщательно прорисованными деревьями, каждое из которых поднималось из земли строго под прямым углом, точно ворсинки на сложенном куске бархата. На каждом дереве росли яркие плоды, а в ветвях гнездились пестрые птицы, и каждый плод, каждая птица располагались строго перпендикулярно линии земли. Звери неестественной величины, пятнистые и полосатые, бежали со всех ног в гору в правой части и неспешно спускались в левой. Я так и не смогла решить, в чем заключалась суть этой картины — в невежестве художника или в его фантазии.

Однажды весной мой дед покинул свое подземное жилище, пришел на железнодорожную стан-

цию и сел на поезд, идущий в западном направлении. Он сказал кассиру, что хочет поехать в горы, и тот отправил деда сюда. Вероятно, это не было злой шуткой, да и вообще шуткой, потому что здесь и правда есть горы, бесчисленные горы, а где нет гор, там есть холмы. Место, на котором стоит сам город, относительно ровное: когда-то здесь было дно озера. Похоже, в какой-то момент все вокруг изменилось в размерах, оставив немало сбивающих с толку различий: например, между горами, как они, должно быть, выглядели раньше и как выглядят сейчас, или между озером, каким оно было когда-то, и озером в его нынешнем виде. Иногда по весне старое озеро возвращалось. Можно было открыть дверь погреба и увидеть, что за ней маслянистыми подошвами кверху плавают сапоги и стучатся о порог доски и ведра, а лестница скрывается из виду после второй ступеньки. Земля набухла, почва превращалась в грязь, а потом в жидкий ил, и трава стояла по самые кончики в ледяной воде. Наш дом был построен на краю города на небольшом пригорке, поэтому мы редко наблюдали более чем лужицу в подвале, по поверхности которой сновали редкие насекомые, напоминающие скелетики. В саду образовывался узкий пруд, в котором прозрачная, словно воздух, вода покрывала траву, почерневшие листья и опавшие ветки; вокруг все было усеяно теми же пожухлыми листьями, мокрой

травой и обломанными ветками, а в поверхности пруда смутно, словно отражение в глазах, можно было разглядеть облака, небо, деревья и наши лица и замерзшие руки.

Когда пробил его час, дед работал на железной дороге. Кажется, его устроил туда приятель-кондуктор, обладавший необыкновенным влиянием. Поначалу должность была не самая хорошая. Дед служил обходчиком или, возможно, стрелочником. Во всяком случае, он уходил на работу с закатом и бродил по путям с лампой до рассвета. Но он был исполнительным и трудолюбивым, поэтому повышение было неизбежно. Прошло не более десяти лет, и он стал руководить погрузкой и разгрузкой скота и прочих вещей, а еще через шесть лет дослужился до помощника начальника станции. На этом посту он провел два года, пока на обратном пути из командировки в Спокан его земной путь и профессиональная карьера не оборвались в зрелищном крушении поезда.

Хотя об этом случае писали в газетах аж в Денвере и Сент-Поле, крушение, строго говоря, нельзя назвать зрелищным, потому что никто не видел, как оно произошло. Несчастье случилось посреди безлунной ночи. Черный, гладкий, изящный локомотив под названием «Метеор» протащил состав уже больше половины пути через мост, когда паро-

воз вдруг нырнул в озеро, а за ним и весь остальной состав соскользнул в воду, как горноста́й спрыгивает с камня. Выжили только носильщик и официант, стоявшие у поручней позади служебного вагона и обсуждавшие личные дела (они приходились друг другу дальней родней), но их никак нельзя назвать свидетелями, потому что тьма стояла непроглядная, а они находились в самом конце состава и смотрели назад.

К озеру пришли люди с фонарями. Бо́льшая часть осталась на берегу, где позже развели костер. Но некоторые из парней и мужчин помоложе, кто был выше ростом, влезли на мост с веревками и фонарями. Двое или трое обмазались темной смазкой и обмотались веревками, а остальные спустили их в воду на том месте, где, по словам носильщика и официанта, исчез поезд. Отмерив по секундометру две минуты, веревки вытянули, и ныряльщики на негнущихся ногах поднялись по устоям моста, где их отвязали и завернули в одеяла. Вода была убийственно холодная.

До самого рассвета ныряльщики спускались с моста, а потом поднимались — или их поднимали — обратно. Чемодан, подушка сиденья и лист салата — вот и все, что им удалось выловить. Некоторые ныряльщики вспоминали, что приходилось расталкивать обломки, опускаясь в воду, но эти обломки,

должно быть, снова уходили на дно или их уносило в темноту. К тому времени, когда надежда найти пассажиров угасла, доставать было уже нечего. Никаких следов, кроме трех предметов, из которых один был скоропортящимся. Появились предположения, что поезд съехал с моста вовсе не там. Люди задавались вопросом, как состав двигался в воде: ушел ли он на дно камнем, несмотря на скорость, или скользил дальше, как угорь, несмотря на массу? Если он сошел с рельсов на этом месте, то, возможно, остановился сотней футов далее. Или мог опрокинуться, или соскользнуть на глубину, достигнув дна, потому что сваи моста были забиты вдоль гребня затопленных холмов, с одной стороны образующего склон широкой долины (милях в двадцати к северу шла еще одна цепочка холмов, часть которых выглядывала над водой), а на другой стороне круто уходящего на глубину. Судя по всему, эти холмы когда-то были берегом другого озера и состояли из мягкого камня, который вода со временем подточила, и после обрушения образовался отвесный обрыв. Если поезд сорвался с южной стороны (именно так в один голос твердили носильщик и официант, но к тому времени им уже мало кто верил) и скользнул по дну или перевернулся раз-другой, он мог укатиться дальше и на куда бóльшую глубину.

Спустя какое-то время некоторые из молодых ребят, пришедших к мосту, начали прыгать

в воду, сперва осторожно, а потом почти с энтузиазмом, сопровождая прыжки криками страха. Когда взошло солнце, облака впитали свет, словно губка — пятно. Похолодало. Солнце поднялось выше, и небо приобрело яркий оловянный цвет. Поверхность озера оставалась неподвижной. Когда ноги мальчишек касались воды, раздавался негромкий хруст. Прозрачные осколки льда покачивались на волнах в месте падения, а когда вода успокаивалась, поблескивали, будто разбитое зеркало. Один из мальчишек отплыл от моста футов на сорок, а потом нырнул в глубину старого озера и, касаясь рукой отвесного обрыва, поплыл вниз вдоль глухой и неподвижной каменной стены, помогая себе ногами. Но мысль о том, где он ныряет, вдруг напугала его, и он устремился обратно на воздух, по пути задев что-то ногой. Он снова нырнул поглубже и нащупал идеально ровную поверхность, параллельную дну, но, как казалось пловцу, футов на семь или восемь выше него. Окно. Поезд упал набок. Во второй раз добраться туда ему не удалось — вода выталкивала наверх. Он сказал только, что эта ровная поверхность была единственной не покрытой водорослями и не окруженной завесой ила. Этот парень слыл искусным лжецом — одинокий мальчик с безграничной жадной одобрения. Его рассказу не поверили, но и враньем не сочли.

Пока он плыл обратно к мосту, дожидаясь подъема и рассказывал мужчинам, где он побывал, вода стала плотной и непрозрачной, будто остывающий воск. Она еле колыхалась там, где всплывал ныряльщик, а на месте потревоженного льда тут же образовывалась свежая черная пленка, напоминающая стекло. Наконец все ныряльщики вернулись. К вечеру озеро замерзло окончательно.

Катастрофа оставила в Фингербоуне трех новых вдов: мою бабушку и жен двух престарелых братьев, владевших галантерейной лавкой. Эти две старушки прожили в Фингербоуне лет по тридцать, а то и больше, но решили уехать. Одна переселилась к замужней дочери в Северную Дакоту, а другая отправилась разыскивать друзей или родню в Сьюикли, что в Пенсильвании, откуда ее увезли невестой. Обе утверждали, что больше не могут жить рядом с озером. По их словам, они чуяли его в дуновениях ветра и ощущали вкус в питьевой воде и не могли больше выносить ни запаха, ни вкуса, ни вида озера. Они даже не дождались поминальной службы и церемонии открытия памятного камня, когда десятки скорбящих и зевак под предводительством троих представителей железнодорожной компании вышли на мост, по такому случаю оборудованный перилами, и сбросили на лед венки.

И впрямь, в Фингербоуне всегда чувствуется присутствие озера, его глубина и темные, лишенные воздуха воды под поверхностью. Когда по весне пахнут землю, каждая борозда издает одинаковый резкий водянистый запах. Даже ветер пахнет водой, и от всех насосов, ручьев и канав пахнет такой же водой без единой примеси других веществ. В основании всего лежит старое озеро — глухое, безымянное, черное. Есть еще собственно Фингербоун — озеро, известное по картам и фотографиям, насыщенное светом и дающее жизнь водорослям и бесчисленным рыбам; в него можно заглянуть в тени причала и увидеть каменистое дно почти так же отчетливо, как видишь землю, глядя себе под ноги. А над ним — озеро, поднимающееся весной, отчего трава темнеет и становится грубой, как тростник. А еще выше — вода, купающаяся в солнечном свете, резком, словно дыхание зверя, в окружении гор.

Моя бабушка даже и не думала уезжать. Она прожила в Фингербоуне всю жизнь. И хотя она никогда об этом не говорила и, несомненно, редко задумывалась, она была женщиной религиозной. То есть для нее жизнь являлась дорогой, по которой идет человек, — довольно несложной дорогой по открытой местности, где пункт назначения известен с самого начала и стоит на заранее отмеренном расстоянии среди бела дня, будто обычный дом, в котором человека приветствуют уважаемые люди и проводят его

в комнату, где дожидается всё, что он в жизни терял или на что не находил времени. Бабушка смирилась с мыслью о том, что когда-нибудь снова встретится с мужем и они будут жить вместе без забот о деньгах и в более мягком климате. Она надеялась, что дед каким-то образом обретет бóльшую твердость характера и здравомыслие. При жизни даже с возрастом эти черты к нему так и не пришли, а к идее преображения бабушка относилась с недоверием. Самым горьким в смерти мужа, коль скоро у нее имелись свой дом и пенсия, а дети почти выросли, было ощущение своего рода дезертирства, хотя и не вполне неожиданного. Сколько раз она просыпалась по утрам и не находила мужа рядом! Иногда он целыми днями ходил по дому, напевая что-нибудь себе под нос тоненьким голоском, а с женой и собственными детьми разговаривал так, как очень учтивый человек стал бы разговаривать с незнакомцами. Теперь дед исчез окончательно. Бабушка надеялась, что, когда они воссоединятся, он изменится, значительно изменится, но не особо стремилась поскорее встретиться с мужем. Размышляя подобным образом, она приняла свое положение и стала вдовой столь же прилежной, какой была женой.

После смерти отца девочки не отходили от нее ни на шаг, смотрели за всем, что она делала, следовали за ней по всему дому, путались под ногами.

Молли той зимой было шестнадцать, Хелен, моей матери, исполнилось пятнадцать, а Сильви — тринадцать. Когда их мать садилась чинить одежду, они усаживались вокруг на полу, стараясь устроиться поуютнее, прислонив голову к ее коленям или креслу, неугомонные, как все дети. Они теребили края половика, мяли подол материнской юбки, иногда мутузили друг друга, неспешно беседовали о школе или перебирали бесчисленные мелкие жалобы и обиды, возникавшие между ними. Через какое-то время сестры включали радио и начинали расчесывать волосы Сильви — каштановые, густые, длиной до пояса. Старшие девочки наловчились делать ей высокие прически с локонами на висках и затылке. Сильви сидела, скрестив ноги, и читала журналы. Когда ей хотелось спать, она отправлялась в свою комнату вздремнуть, и к тому времени, когда она спускалась к ужину, ее пышная прическа приходила в полнейший беспорядок. Ничто не могло пробудить в ней тщеславия.

Когда наступало время ужина, девочки шли за матерью на кухню, накрывали на стол, снимали крышки с кастрюль. А потом рассаживались вокруг стола и все вместе ели: Молли и Хелен — с утонченным изяществом, Сильви — размазывая молоко по подбородку. Даже там, в ярко освещенной кухне, где за белыми занавесками не было видно темноты,

мать чувствовала, как дочери наклоняются в ее сторону, заглядывая в лицо и следя за руками.

С раннего детства дети никогда так не лънули к ней, и никогда с тех пор она не ощущала так отчетливо запах их волос, мягкость кожи, их благоговение, их резкость. Это наполняло ее странной радостью — такой же, какую она ощущала, когда какая-нибудь из дочек еще грудным младенцем, сосредоточив взгляд на лице матери, тянулась к груди, к волосам, к губам, страстно желая их коснуться, наестся хоть ненадолго и уснуть.

Мать владела множеством способов окружить дочерей коконом заботы. Она знала тысячу песен. Она пекла нежнейший хлеб и варила терпкий джем, а дождливыми днями делала печенье и яблочный мусс. Летом она держала в вазе на пианино огромные ароматные розы, а когда цветы увядали и лепестки опадали, она складывала их в высокую китайскую вазу вместе с гвоздикой, тимьяном и палочками корицы. Ее дети спали на накрахмаленных простынях под стегаными одеялами, а по утрам занавески наполнялись светом, словно паруса — ветром. Конечно, дочери постоянно обнимали ее и гладили, будто она только что вернулась после долгого отсутствия. Но не из боязни, что она вдруг исчезнет, как и отец, а потому, что его внезапное исчезновение заставило их обратить внимание на мать.

Прожив некоторое время в браке, бабушка пришла к выводу, что любовь наполовину состоит из страстного желания, которое ничуть не слабеет от обладания предметом страсти. Однажды, когда у Фостеров еще не было детей, Эдмунд нашел на берегу карманные часы. Корпус и стекло были целы, но механизм почти полностью съела ржавчина. Он открыл часы и вынул содержимое, а на место циферблата вставил круглую бумажку, на которой нарисовал двух морских коньков. Он подарил часы жене в виде кулона на цепочке, но она почти не носила этот подарок, потому что цепочка оказалась слишком короткой и было неудобно рассматривать коньков, а Сильвия боялась повредить часы, если носить их на поясе или в кармане. Наверное, с неделю она таскала подарок в руке, куда бы ни пошла, даже на другую сторону комнаты, и не потому, что вещицу смастерил Эдмунд или она была не такой яркой и нелепой, как его обычные картины, а потому что сами морские коньки были игриво изогнуты, словно фигурки на старинном гербе, и украшены кусочками крылышек насекомых. Именно коньков ей хотелось увидеть всякий раз, стоило отвести взгляд в сторону, и даже всякий раз, когда она уже смотрела на них. Это желание не отступало, пока что-нибудь — ссора или визит гостей — не отвлекало ее внимание. Точно так же и дочери после гибели

Эдмунда касались матери, смотрели на нее и следовали за ней повсюду.

Иногда по ночам они плакали тем тихим и слабым плачем, который не пробуждал даже их самих. Звук прекращался, едва Сильвия начинала подниматься по лестнице, как бы мягко она ни ступала, и, дойдя до девичьих спален, она заставляла дочерей тихо спящими, а причина их плача беззвучно пряталась в темноте, словно сверчок. Одного прихода матери было достаточно, чтобы пугливое создание замолчало.

Годы между гибелью мужа и уходом старшей дочери из дома в действительности были временем почти идеальной безмятежности. Мой дедушка иногда говорил о разочаровании. С его уходом семья оказалась отрезана от любой тревожной возможности успеха, признания, роста. Им незачем было заглядывать в будущее, не о чем жалеть. В переменчивом мире их жизни распускались, точно нитка с веретена, — время завтрака, время ужина, время сирени, время яблок. Если рай означал этот мир, очищенный от несчастий и тревог, если бессмертие означало сохранение этой жизни в равновесии и постоянстве и если этот очищенный мир и эта неизменная жизнь означали мир и жизнь, идущие своим чередом, нет ничего удивительного в том, что пять безмятежных, однообразных лет убаюкали мою бабушку, заставив забыть о том, о чем забывать

не следовало. Еще за полгода до отъезда Молли совершенно изменилась. Она стала откровенно религиозной, разучивала гимны на пианино и засыпала миссионерские общества толстыми письмами, в которых рассказывала о своем недавнем обращении к вере и к которым прилагала копии двух длинных стихотворений, посвященных одно — Воскресению Христа, а другое — шествию легионов Христовых по свету. Я видела эти стихи. Во втором очень тепло говорится о язычниках, а особенно тепло — о миссионерах: «...К ним ангелы небесные сойдут,/Чтоб камень отвалить от двери гроба».

За полгода Молли договорилась отправиться с миссией в Китай. А пока Молли сотрясала воздух гимнами, моя будущая мать Хелен сидела в саду и тихо и серьезно беседовала с неким Реджинальдом Стоуном, нашим с сестрой предполагаемым отцом. (Я совсем его не помню. Видела только на фотографиях, сделанных в день второй свадьбы. Это был бледный человек с прилизанными черными волосами. Судя по всему, темный костюм был ему привычен. Стоун явно не считал себя основным персонажем обеих фотографий. На одной он смотрит на мою мать, беседующую с Сильви, которая стоит спиной к камере. На другой — поправляет тую шляпу, а моя бабушка, Хелен и Сильви стоят в ряд около него и смотрят в камеру.) Шесть месяцев спустя после отъезда Молли в Сан-Франциско,

а оттуда — на Восток Хелен стала домохозяйкой и отправилась в Сиэтл к этому Стоуну, за которого, судя по всему, вышла замуж в Неваде. Моя бабушка, по словам Сильви, была оскорблена этим бегством и свадьбой в другом штате и написала Хелен, что не будет считать ее замужней женщиной, пока та не выйдет замуж снова на глазах у матери. Хелен с мужем приехали поездом с полным чемоданом свадебных нарядов, коробкой букетов и шампанским, уложенным на сухой лед. У меня нет причин вообразить, будто мать и отец когда-либо процветали, поэтому остается предположить, что им пришлось изрядно потрудиться, чтобы успокоить чувства моей бабушки. И все же, по словам Сильви, молодые не пробыли в Фингербоуне и суток. Однако отношения с семьей, должно быть, немного наладились, потому что через несколько недель Сильви, в новых туфлях, шляпке и пальто, с лучшими перчатками своей матери, сумочкой и саквояжем отправилась поездом в Сиэтл навестить замужнюю сестру. У Сильви осталась фотография, где она стоит в дверях вагона, стройная, юная и приличная, и машет на прощание рукой. Насколько я знаю, Сильви возвращалась домой лишь однажды, чтобы в бабушкином саду занять то же место, где до нее стояла Хелен, и выйти замуж за человека по фамилии Фишер. Похоже, фотограф при этом не присутствовал.

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

МЭРИЛИН РОБИНСОН
ДЫХАНИЕ ОЗЕРА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.08.2024.
Формат издания 84 × 108 1/2. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 13,68. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филiaal ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сапалық сағаттау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaoimpk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-GRR-35458-01-R